

О социально-экономическом подходе к оценке эффективности технологического развития промышленности

Ю. А. Толчѐнкин

Основные положения социально-экономического подхода к оценке эффективности технологического развития включают следующее: выбор (определение, обоснование) основополагающих приоритетов; более полный учет социальных факторов при решении проблем технологического развития; уяснение роли государства в социально ориентированном технологическом развитии; анализ поведения различных общественных групп при технологическом развитии, осуществляемом в трансформационной ситуации; отработку процедур согласования интересов участников процессов технологического развития; формирование адекватной социально-экономической политики и механизмов ее реализации; осознание субсидиарной социальной ответственности науки, власти и бизнеса при обосновании и принятии решений, касающихся технологического развития.

Выбор (определение, обоснование) основополагающих приоритетов

Теоретическим фундаментом реализации данного направления может служить теория общественного выбора, изучающая институциональную среду деятельности индивидов и организаций в общественном секторе и постулирующая следующее положение: поскольку любой индивид стремится максимизировать результаты своей деятельности в собственных интересах, повышение качества макроэкономических решений зависит прежде всего от состояния законодательства и государственных институтов, призванных обеспечивать выполнение действующих законов. При этом необходимо отметить, что современный неоинституционализм исходит из первостепенной важности социальных норм и правил как формального, так и неформального характера.

Немецкий социолог Г. Гарфинкель предложил следующую, весьма полезную для экономистов, классификацию «элементов рациональной повседневной деятельности» при осуществлении общественного выбора:

- 1) типологизация и сравнение ситуаций;
- 2) определение допустимой ошибки при построении типологии;

- 3) поиск средств для достижения целей;
- 4) анализ альтернативных планов деятельности и возможных последствий;
- 5) определение условий, при которых каждая из альтернатив будет реализована;
- 6) определение периода времени, необходимого для принятия окончательного решения;
- 7) предсказание развития ситуации;
- 8) определение процедуры принятия решения;
- 9) осознание того, что любое решение предполагает выбор;
- 10) осуществление выбора на основе информации и накопленного опыта [1].

В связи с решением проблемы выбора основополагающих приоритетов экономического развития с точки зрения «рациональной повседневной деятельности» для нас представляют особый интерес взгляды Людвига Эрхарда, «отца-основателя» Германской модели социального рыночного хозяйства. Эрхард вообще скептически относится к возможностям «чисто экономического», технократического подхода к экономическим реальностям. Экономика для него не замкнутая система, а лишь часть общественного организма, в центре которого находится человек со своими взглядами, ожиданиями, убеждениями, психологией [2]. Выбор приоритетов непосредственно связан с целеполаганием экономических исследований. Выдающиеся экономисты советского периода, от Н. Д. Кондратьева и С. Г. Струмилина до Т. С. Хачатурова и Н. П. Федоренко, вне связи с идеологическими установками, концентрировали внимание на актуальнейших экономических проблемах своего времени.

Однако целевым стержнем их исследований был поиск решений, обеспечивающих максимальную экономическую эффективность воспроизводства материально-технической базы а priori, исходя из предпосылки, что чем более развита экономика, тем лучше живут люди.

Между тем отечественный опыт экономического развития показал, что индустриализация погубила в нашей стране крестьянство, военно-промышленный комплекс поглощал в период холодной войны ресурсы в количествах, превышающих реальные возможности страны, что негативно сказывалось на уровне жизни населения; развитие экологически опасных производств вело (и ведет) к катастрофическим ситуациям в окружающей человека природной среде и т. д. Да и в современном экономическом словаре преобладает «чисто экономический» подход — понятие «экономичность» трактуется предельно узко, как одна из основных составляющих успеха хозяйственной деятельности, суть которой заключается в разумной и рациональной экономии ограниченных ресурсов с целью более полного удовлетворения потребностей.

Полагаем, что основным приоритетом технологического развития должно стать «человеческое» начало. Перефразируя известное положение

классика о том, что в экономической науке столько науки, сколько в ней математики, можно сказать, что в XXI в. в экономической теории столько науки, сколько в ней «человечности».

В этой связи приоритетной задачей отечественной экономической науки является реалистическое (лишенное идеологических пристрастий) глубокое осмысление социально-экономических процессов, происходящих в российском обществе в ходе реформ, и на этой теоретической базе обоснование политики технологического развития как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу.

Необходимо признать, что ученые-экономисты, увлекаясь большей частью критикой действий правительства, не уделяют данной исключительно сложной научной проблеме надлежащего внимания. Здесь уместно процитировать Р. Хайлбронера, который пишет: «на троне понимания социальных процессов восседают люди, наделенные неполными и несовершенными знаниями, теориями, представлениями и опытом, с помощью которых они стремятся свести неразбериху... к удобопонимаемым терминам» [3].

Какие социальные приоритеты в контексте теории общественного выбора требуют сегодня в России серьезного теоретического осмысления?

Во-первых, необходимо, по крайней мере, попытаться оценить как количественно, так и качественно социально-экономические последствия технологического развития, его взаимосвязи с образованием, здравоохранением, наукой и культурой. Необходимо признать, что попытки государства реформировать эти элементы социальной сферы пока не имеют сколько-нибудь серьезной исследовательской основы, большей частью базируются на импровизациях бюрократии и направлены, в конечном счете, не на более полное удовлетворение потребностей основной массы населения, а на сокращение государственных расходов. Бессмысленно оспаривать важность последней задачи, однако ее решение должно быть увязано, как совершенно справедливо отмечает акад. А. Г. Аганбегян, с «основной фундаментальной проблемой — преодоления низкой заработной платы и перехода к рыночной социальной системе, где люди из собственных доходов (а не только предприятия и государство) финансируют свои будущие пенсии, полностью расплачиваются за жилье и коммунальные услуги, платят за используемые ресурсы — недвижимость, землю и т. п.» [4].

Во-вторых, бесспорным социальным приоритетом в нынешней России, провозглашенным Президентом РФ, является борьба с бедностью. Обычно к бедным относят лиц, имеющих душевые доходы ниже официально установленного прожиточного минимума. По разным источникам, численность этой категории граждан в России находится в диапазоне 15–25 % от общего населения. Традиционно в литературе отмечается, что разрыв между 10 % богатых и 10 % бедных семей, достигающий, даже без учета теневых доходов, 15-ти раз, чреват социальным взрывом. В развитых странах этот разрыв составляет, как известно, 5–7 раз.

Недопустимо медленно решается задача повышения минимального размера оплаты труда (МРОТ), при том, что абсолютная величина этого показателя не имеет убедительного научного обоснования и, по мнению ряда экономистов, существенно занижена.

Эти проблемы широко обсуждаются в экономической и социологической литературе, однако очевидно, что для их комплексного решения потребуются годы. Между тем в борьбе с бедностью актуальнейшей задачей сегодняшнего дня является адресная помощь не просто бедным, а обездоленным, находящимся на грани физиологического выживания, т. е. тем, кому, кроме государства, помочь абсолютно некому. По нашей экспертной оценке, численность этой категории составляет 8–10 % населения.

С одной стороны, необходима организация специальных социально-экономических исследований на уровне конкретных муниципальных образований и, с другой — формирование специального научно обоснованного механизма осуществления адресной помощи.

В-третьих, нуждается в научном обеспечении реформирование жилищно-коммунальной сферы на основе экспериментальной апробации и объективной оценки потенциально возможных вариантов решения данной задачи. Создание конкурентной среды в жилищно-коммунальном хозяйстве на основе аккумулирования средств непосредственно у населения в условиях фактического отсутствия кондоминимумов представляется весьма сырой идеей. Если учесть ужасающую запущенность этой сферы, то представляется, что реализуемый вариант перманентного повышения тарифов на самом деле выгоден лишь богатым слоям населения и пагубен для малообеспеченных. По-видимому, государству не удастся уйти от нормативного подхода к приведению, прежде всего, городского коммунального хозяйства за счет бюджетных средств в состояние, удовлетворяющее современным социальным стандартам.

В-четвертых, нельзя в ходе технологического развития упускать из виду социальные последствия реструктуризации базовых градообразующих отраслей промышленности. За более чем десятилетие реформ крупномасштабной реструктуризации были подвергнуты две базовые отрасли промышленности — оборонная и угольная. Сегодня можно сделать следующий вывод: при программировании и реализации структурных преобразований социальные последствия, связанные с ликвидацией рабочих мест, сокращением (а в ряде случаев и полным прекращением) налоговых поступлений, общим резким ухудшением социально-психологического климата на территории, не учитывались. Мы убеждены, что перед программированием и проектированием мероприятий реконструктивного характера в регионах, где базовые отрасли являются градообразующими, необходимо разрабатывать стратегические планы развития территории, исходя из необходимости решения фундаментальной задачи — обеспечения нормативных условий жизнеобеспечения населения. Это должен быть конкретный документ индикативного характера, в котором четко

определены не только цели, задачи и возможные направления технологического развития, но и предложены реальные способы достижения намеченных целей, включая, прежде всего, источники финансирования соответствующих мероприятий.

Более полный учет социальных факторов при решении проблем технологического развития

Как отмечалось, необходим не утилитарный «чисто экономический», а более широкий и емкий социально-экономический подход, методологической основой которого является междисциплинарность. Экономическая наука обладает известным набором категорий и инструментов, составляющих в совокупности исключительную прерогативу экономической теории, которая никогда не была изолированной от других общественных наук. И в классической, и в неоклассической, и в институциональной теории категория экономической эффективности в той или иной степени учитывала социальные факторы. Однако в современных условиях традиционный учет в экономических исследованиях социальных факторов на поликритериальной основе оказывается недостаточным. Современные «радикальные изменения, происходящие в мире на переломе столетий, требуют пересмотра сложившихся подходов к самой трактовке понятия „эффективность производства“. В мировой практике все шире применяется концепция социально-экономической эффективности...» [5].

Социально-экономический подход предполагает органическую взаимосвязь общей экономической теории и экономической социологии. Академик Т. И. Заславская еще более двадцати лет назад отстаивала необходимость экономико-социологического подхода к учету «человеческого фактора» в экономических исследованиях. Сущность данного подхода состоит в определении социальных групп, которые занимают ключевые позиции в экономике, являясь ее наиболее важными субъектами. Эту задачу предлагалось решать двумя путями: первый — выделить важнейшие элементы общественных экономических отношений, а затем проанализировать структуру взаимодействующих по их поводу групп; второй — выделить группы, занимающие разное положение в экономике, а затем исследовать содержание тех экономических отношений и взаимодействий, в которых они участвуют. В целом предмет экономической социологии Т. И. Заславская определяет так: «Как ведут себя люди в экономической сфере? Какие макроэкономические последствия влечет за собой их поведение? Почему люди ведут себя так, а не иначе? Можно ли управлять поведением? Какими способами добиваться того, чтобы поведение, регулируемое личными и групповыми интересами, было наиболее эффективно для общества? Дать ответы на эти вопросы призвана экономическая социология...» [6, с. 42, 261–262]. Особая роль в реализации принципа междисциплинарности при социально-экономическом подходе принадлежит использованию в экономической теории результатов исследований

в области социальной психологии. Здесь мы в самом начале пути. Отметим, что еще в начале XX в. Ф. Брокгауз и И. Ефрон писали: «Социальная психология, весьма мало разработанная наука, связующее звено между социологией и психологией. Изучает психическое воздействие живущих в обществе индивидуумов друг на друга» [7]. И хотя за минувшее столетие эта наука имеет известные достижения, системно организованного «связующего звена» между экономической теорией и социальной психологией у нас до сих пор нет. Вместе с тем отметим, что Нобелевская премия по экономике за 2002 г. присуждена профессиональному американскому психологу Вернону Смиуту за исследование социально-психологических аспектов в действиях лиц, принимающих решения [8]. Активным сторонником междисциплинарности в экономических исследованиях является проф. Р. М. Нуреев, который, в частности, считает, что при формировании отечественной институциональной теории необходим «Междисциплинарный подход к анализу проблем экономических систем — синтез собственно экономических, исторических, правовых, этнологических, социологических и иных обществоведческих знаний...», что «...необходимо уделить повышенное внимание экономике права, экономике развития, моральной экономике, экономической компаративистике, экономической антропологии и экономической глобалистике...» [9]. Полагаем, что реализация данных методологических рекомендаций возможна лишь на основе социально-экономического подхода при его самом широком философском и институциональном понимании. Признавая междисциплинарность в качестве основы социально-экономического подхода, обратим внимание на необходимость крайне осторожного обращения с «трансплантацией» результатов других наук в экономическую теорию. Так, в эволюционно-институциональном направлении экономической теории имеют место попытки распространить фундаментальные положения учения Ч. Дарвина на социально-экономические системы. При этом предполагается, что в социально-экономической системе, по аналогии с биологической системой, «автоматически» действует дарвинистская триада механизма эволюции:

- а) наследственность (в экономике — преемственность, инерционность);
- б) изменчивость, «мутация» (в экономике — инновационная деятельность);
- в) естественный отбор (в экономике — конкуренция, банкротства и т. п.).

Более того, на социально-экономическую систему «переносится» исследуемый в биологии механизм разделения функций у двуполовых организмов, согласно которому активной частью эволюционных процессов является мужской пол, а пассивной, консервативной — женский. Производственная база, инфраструктура, природоресурсный потенциал при этом рассматриваются в качестве консервативной (женской) составляющей социально-экономической системы, а организации, занятые

НИОКР, венчурный бизнес и т. п. являются активной (мужской) составляющей [10]. С точки зрения социально-экономического подхода, базирующегося на реализме, целенаправленности и безусловной связи с жизнью, подобные теоретические конструкции, на наш взгляд, малопродуктивны.

Уяснение роли государства в социально ориентированном технологическом развитии

В институциональной теории государство в общем виде рассматривается как «особый случай властных отношений, возникающих на основе передачи гражданами части своих прав на контроль своей деятельности в сферах спецификации и защиты прав собственности, создания каналов обмена информацией, разработки стандартов мер и весов, создания каналов физического обмена товаров и услуг, правоохранительной деятельности и производства общественных благ. В этих сферах государство получает право легитимного, т. е. на основе социального контракта, принуждения и насилия» [11]. В экономической теории можно считать общепризнанным следующий постулат: определяющим условием социально-экономического развития страны с рыночной экономикой является сильное и эффективное государство. Однако когда речь идет о конкретных мерах воздействия государства на экономику, имеет место достаточно широкий спектр мнений: от прямого административного регулирования экономических процессов до полного невмешательства государства в экономическую жизнь хозяйствующих субъектов. Мы разделяем следующую точку зрения А. Г. Аганбегяна: «Сильное и эффективное государство в рыночной экономике — это не государственная диктатура, не административный гнет, не подчинение бизнеса государственной власти, не огосударствление всего и вся, не вмешательство государства в экономическую жизнь граждан...» И далее: «...Если проследить тенденции государственного регулирования, то ясно виден все больший крен государства в сторону регулирования социальной сферы. Государство за счет средств бюджета обеспечивает помощь обездоленным — инвалидам, безработным, престарелым — главным образом, на адресной основе. В то же время оно содействует развитию малого бизнеса, предоставляя налоговые, финансовые льготы, создавая государственные центры его поддержки, обучая этому бизнесу домохозяек и т. п.» [4, с. 247, 251]. В переживаемый нашим обществом переходный период от «огосударствления всего и вся» к социально ориентированной рыночной системе роль государства многократно возрастает. Это относится и к производству, и распределению общественных благ, и к технологическому развитию, и к доступности образования и лечения, и к эффективности правоохранительной системы, и к защите прав собственности. Аргументируемая нами целесообразность социально-экономического подхода непосредственно связана с используемой ведущими

отечественными социологами методологией исследования современного российского общества. Так, Т. И. Заславская считает, что должна быть разработана специализированная теория, учитывающая достижения современной общественной мысли. «Такая теория по определению должна быть междисциплинарной, поскольку посткоммунистические изменения затрагивают все сферы жизнедеятельности общества и все стороны общественного сознания. Не случайно их осмыслением занимаются экономисты, социологи, политологи, философы, историки, культурологи, психологи и многие другие специалисты» [6, с. 558, 562]. Представляют определенный интерес попытки социологов предложить конкретные критерии результативности трансформационных процессов в ходе становления социально ориентированного государства. Речь идет о характере политической власти (ось «авторитаризм — демократия»), о форме экономических отношений (ось «централизованное перераспределение — рынок»), о сфере формирования и исполнения законов (неправовое общество — правовое общество) и т. д. Полагаем, что в подобной критериальной системе одним из основополагающих критериев результативности реформ должно быть повышение качества жизни (ось «традиционное рыночное хозяйство, ориентированное на максимальную прибыль — социально ориентированная рыночная экономика»). Особый интерес представляет для нас оценка роли государства в становлении социально ориентированной рыночной экономики в 40–50 гг. XX в. в Германии [2]. Во-первых, Эрхард при безусловном соблюдении социальных приоритетов отрицал возможность отдельного рассмотрения, как в теории, так и на практике, экономических и социальных аспектов функционирования государства. При этом, опираясь на многовековой исторический опыт, он считал, что рыночный механизм регулирования экономики является фундаментальной социальной ценностью. Эрхард многократно подчеркивал, что свобода и состязательность, имманентные рыночной экономике, позволяют «потребителю, т. е. всему народу, пользоваться преимуществами более высокой производительности труда...» И далее: «Исходя из этой функциональной взаимосвязи, наша экономическая политика именуется социальной рыночной экономикой» [12]. Во-вторых, теоретической основой концепции социальной рыночной экономики является немецкий ордолиберализм, основатель которого Вальтер Ойкен «подходил к теории конкурентного порядка как к одному из элементов общественной системы...». Он выдвинул исключительно важное (особенно для трансформирующихся экономик) положение о взаимозависимости порядков, т. е. «взаимообусловленности и взаимовлиянии политического, хозяйственного, социального и правового порядков» [2]. Что касается роли государства в экономике, то Л. Эрхард сформулировал свою позицию предельно четко: «Исконной и главнейшей задачей государства остается создание рамок порядка, внутри которых гражданин должен иметь право свободно двигаться» [12]. В-третьих, выработка научно обоснованной стратегии и тактики социально ориентированного технологического развития требует учета истории,

традиций, национально-культурных и экономико-географических особенностей страны. Вместе с тем, переоценивать специфику своей страны не следует. Необходимо иметь в виду, что неизбежным следствием глобализации будет взаимопроникновение не только товаров, услуг, технологий и факторов производства, но и усиление межличностных связей граждан различных стран и континентов. Отслеживание этих процессов, с точки зрения результативности решения государством как технологических, так и социальных проблем — актуальная задача и экономистов, и социологов. В-четвертых, социально ориентированное технологическое развитие предполагает активную защиту окружающей природной среды.

Анализ поведения различных общественных групп при технологическом развитии, осуществляемом в трансформационной ситуации

С социологической точки зрения эта проблема рассмотрена Т. И. Заславской [6, с. 504–518]. Что следовало бы, по нашему мнению, из арсенала «поведенческих стратегий» использовать в экономической теории?

Первое. Такие понятия социологической науки, как «трансформационная активность», «социальные практики», «типы поведенческих стратегий», по своей сути являются социально-экономическими, когда речь идет об экономических процессах. В трактовке Т. И. Заславской понятие «трансформационная активность» охватывает всю совокупность социально значимых действий индивидуальных и коллективных акторов-индивидов, организаций и групп, движимых разными мотивами, интересами, потребностями и ценностями. Эти действия отражают реакции акторов на обусловленные экономическими реформами изменения в их статусах, правах и возможностях. Здесь уместно напомнить: Л. Эрхард подчеркивал, что регулирование экономической свободы в социальной рыночной экономике должно осуществляться не столько государством, сколько самим обществом. Очевидно, индикатором подобного регулирования как раз и является трансформационная активность. Что касается «социальных практик», то именно по ним можно судить о результатах как экономических реформ в целом, так и технологических преобразований в частности. «Улучшилось ли отношение работников к труду? Больше ли они дорожат рабочими местами? Лучше ли работают, реже ли прогуливают, меньше ли воруют? Лучшие ли работники экономически выигрывают, а худшие оказываются в проигрыше? Приняли ли отношения между рабочими, специалистами и администрацией партнерский характер или сохраняется клиентелизм и взаимодействующие социальные группы по-прежнему не доверяют друг другу? Свертывается ли теневая часть производства и оборота?..» [6, с. 507]. Ответы на эти и другие вопросы социально-экономического характера отражают реальную динамику «социальных практик» и являются предметом исследований как социологов, так и экономистов. Наконец, о типах поведенческих стратегий. Даже

простое перечисление изучаемых социологий в экономическом аспекте поведенческих стратегий указывает на то, что все они, без исключения, представляют предметный интерес для экономической теории. Так, трансформационное поведение изучается на трех уровнях: первый — стратегии отдельных индивидов; второй — стратегии конкретных групп или категорий населения; третий — целостные стратегии, в которых участвует ряд акторов. Социологами исследуются такие виды поведения, как трудовое, предпринимательское, финансовое, потребительское, «теневое», криминальное и др. По целям, мотивам и средствам реализации поведенческие стратегии классифицируются на:

- 1) достижительные;
- 2) адаптационные;
- 3) регрессивные;
- 4) разрушительные.

По функциям, выполняемым в трансформационных процессах, обычно выделяют три класса стратегий: конструктивные, деструктивные и смешанные. Изучение экономических процессов без уяснения типа, содержания и причин той или иной поведенческой стратегии не может быть продуктивным по определению.

Второе. В социологии, как и в экономической науке, в последние десятилетия все шире применяется институциональный подход, согласно которому институт в самом широком аспекте рассматривается как система формальных и неформальных правил игры. Социологи рассматривают институт в качестве единства трех элементов: нормативно-правовой «надстройки», социокультурного «базиса» и механизма контроля за соблюдением установленных норм и правил. Поведение различных социальных групп обусловлено как их общими интересами, так и личностными факторами, которым в экономической социологии уделяется особое внимание при изучении условий формирования и функционирования общественных институтов. Подобный подход, согласно которому в центре исследуемого явления в рамках соответствующего института оказывается личность, весьма перспективен и в экономической теории. Кроме того, при анализе поведения различных социальных групп социологи учитывают весьма высокую инерционность общественных институтов, обусловленную национальными традициями, историей, культурой. Это, прежде всего, относится к базовым социально-экономическим институтам власти и собственности.

Отработка процедур согласования интересов участников процессов технологического развития

Проблема согласования интересов участников трансформационных процессов, являясь одной из самых сложных для стабильных экономик,

многократно усложняется в условиях радикальных политико-экономических реформ. Решение этой задачи в принципе невозможно без синтезированного использования результатов как экономических, так и социологических, юридических и других исследований. В теоретическом плане подобный подход характерен для современного неинституционализма, активно использующего эволюционно-социологические методы. Неинституционализм исходит из исключительной важности формирования не прав собственности, а, как отмечалось выше, социальных норм и правил, в связи с чем «вторгается» в юриспруденцию, социологию, социальную психологию и другие общественные науки. При этом необходимо опираться как на западноевропейскую, так и на американскую традицию неинституциональных исследований, различия между которыми «... обусловлены национально-исторической и социокультурной спецификой. Америка — страна „без истории“, и поэтому для американского исследователя типичен подход с позиций рационального индивидуализма. Напротив, Европа — колыбель современной западной культуры, и европейский ученый принципиально отвергает крайнее противопоставление индивида и общества, сведение межличностных отношений только к рыночным сделкам. Вследствие этого американцы часто сильнее в использовании математического аппарата, но слабее в оценке роли традиций, культурных норм, менталитета и т. д. — всего того, что составляет основы и преимущества институционализма» [13]. В практическом плане над реализацией идеи формирования общества, в котором всеми гражданами страны будет осознана взаимная зависимость и необходимость соблюдения постоянного баланса интересов, последователно работал Л. Эрхард [2], который полагал, что достижение баланса интересов возможно при следующем условии: обеспечивается «свобода, доступность и полнота информации как для каждого гражданина относительно действий и намерений государства, так и для государства относительно граждан страны». Обеспечение «полноты информации относительно граждан страны» в процедурах согласования интересов участников процессов технологического развития невозможно без системно организованного социально-экономического мониторинга, который должен базироваться на следующих принципах. Во-первых, центральным субъектом мониторинга, определяющим всю систему его организации, является человек. Социологическая составляющая мониторинга должна способствовать уяснению реальных предпочтений людей и преодолению сложившихся стереотипных представлений. Во-вторых, организации мониторинга должна предшествовать выработка осмысленной стратегии; цели и задачи проведения мониторинга должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключалась возможность их двусмысленного толкования, исходя из того фундаментального положения, что решение технологических, экономических, структурных и организационных задач должно рассматриваться в качестве функции решения задач социальных. В-третьих, для получения целостной объективной картины исследуемого явления используются как количественные оценки,

получаемые в результате статистической обработки результатов стандартизованных, дублирующих процедур, так и обобщения качественного характера.

Формирование адекватной социально-экономической политики и механизмов ее реализации

То, что формирование социально-экономической политики должно опираться на реальные достижения как экономической, так и других общественных наук, общеизвестно. Однако и в экономической теории, и на практике результаты последних в большинстве случаев игнорируются. Вследствие этого политика, фактически формируемая органами власти на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), не может быть названа социально-экономической. Приведем лишь один пример. Еще в самом начале трансформационного периода Т. И. Заславская написала работу «О стратегии социального управления перестройкой» [14]. В этой работе высказан ряд соображений методологического характера, имеющих принципиальное значение и сегодня при формировании современной социально-экономической политики. Во-первых, нельзя упускать из виду личностные качества участников процессов технологического развития. Образование, квалификация, мировоззрение, жизненный опыт, индивидуальные морально-этические ценности, способность адаптации к новым условиям — все это обуславливает отношение людей к преобразованиям. При этом необходимо учитывать, что в процессах, определяющих в конечном счете судьбу преобразований, принимает участие преимущественно население старших возрастных групп, воспитанных в духе обязательности исполнения своего гражданского долга. Для данной группы избирателей максимально полная, изложенная в доступной форме, информация о существе и обоснованности проводимой Правительством политики будет способствовать прогрессивному развитию. С другой стороны, актуализируется задача преодоления пассивности молодежи и ее более активного вовлечения в процессы формирования и реализации социально-экономической политики. Во-вторых, одной из основополагающих целей социально-экономической политики должно быть дифференцированное отношение к группам населения, по-разному оценивающим направленность и результаты преобразований путем создания демократических институтов, способствующих технологическому развитию «на базе постепенного превращения его сторонников — в инициаторов и идеологов, союзников — в убежденных сторонников, наблюдателей — в союзников, „нейтралов“ — хотя бы в заинтересованных наблюдателей, а консерваторов и реакционеров — в лояльно относящихся к преобразованиям людей» [6, с. 438].

В-третьих, поскольку разработчиком социально-экономической политики и механизмов ее реализации является государственный аппарат,

необходимо «во-первых, восстановление примата законодательных органов власти над исполнительными, т. е. резкое ограничение власти аппарата, во-вторых, демократизацию процедуры формирования, аттестации и продвижения руководящих работников, в-третьих, организацию эффективного повышения их деловой квалификации, формирование современного социально-экономического мышления, открытого новым фактам, идеалам и представлениям» [6, с. 443]. Добавим: не только социально-экономического, но и «технологического» мышления.

Осознание субсидиарной социальной ответственности власти, науки и бизнеса при обосновании и принятии решений

В последние десятилетия XX в. произошел заметный сдвиг власти и бизнеса в сторону осознания своей социальной ответственности. Это особенно заметно в странах Западной Европы, с приходом к власти партий социал-демократического направления и усиления роли связанных с этими партиями профсоюзов. Если ранее считалось, что задача бизнеса — удовлетворять спрос и своевременно уплачивать налоги, то сейчас имидж компании и значимость ее бренда в возрастающей степени зависит от отношения компании к решению социальных проблем. «Люди начинают бойкотировать продукцию компании, которая загрязняет окружающую среду, или компанию, где происходят аварии и несчастные случаи. И наоборот — потребители тянутся к продукции компании, которая известна своей эффективной благотворительной деятельностью, высокими этическими нормами поведения ее руководителей и т. д.» [4]. В России отсутствие социальной ответственности власти перед народом является печальной традицией. Это относится и к многовековой дореволюционной истории, и к советскому периоду и, к величайшему сожалению, к постсоветскому, нынешнему времени. «Социологическое сообщество должно выработать ясное представление о подлинном (в отличие от декларируемого политиками) социальном содержании осуществленных и проектируемых реформ, всестороннее и объективно оценить их общественные итоги и вероятные последствия... Сложившаяся ситуация требует от социологов рефлексии по поводу их собственной роли в преобразовании советского и российского общества...» [6, с. 561]. По нашему мнению, во-первых, следует говорить о социально-экономическом содержании преобразований, включая технологическое развитие, т. е. сказанное относится как к социологам, так и к экономистам, точнее к социолого-экономическому научному сообществу в целом. Во-вторых, когда речь идет о социально-экономическом подходе к технологическому развитию, необходимо, наряду с осознанием социальной ответственности власти, науки и бизнеса, поставить во главу угла формирование среди населения соответствующей локальной территории общественного мнения в пользу технологических преобразований.

Литература

1. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Enylewoods Cliffs: Prentice-Halt, 1967. P. 263–268.
2. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика / А. Ю. Чепуренко (общ. ред.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 119.
3. *Хайлбронер Р.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М.: Начала-пресс, 1993. С. 54.
4. *Азанбегян А. Г.* Социально-экономическое развитие России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2004. С. 244.
5. Социально-экономическая эффективность: опыт США. Роль государства. М.: Наука, 1999. С. 7.
6. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
7. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 545.
8. *Белянин А.* Дэниел Канеман и Вернон Смит: Экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 4–23.
9. *Нуреев Р.* Перспективы развития институциональной экономики в современной России // Материалы Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2003. С. 107–124.
10. *Геодакян В.* Два пола: зачем и почему? // Наука и жизнь. 1996. № 3. С. 99–105.
11. *Олейник А. Н.* Институциональная экономика: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 345.
12. *Эрхард Л.* Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Наука; ТОО «Ордынка», 1996. С. 252.
13. *Нуреев Р.* Предисловие // Олейник А. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 16.
14. *Заславская Т. И.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М., 1989. С. 3–45.